

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXVI Международной научной конференции
(27–30 октября 2015 г.)**

*Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2016

Таким образом, для достижения прагматической адаптации при переводе текста рекламы с китайского языка на русский язык необходимо учитывать множество моментов: 1) для рекламного стиля весьма характерно широкое применение простых предложений, передающихся с помощью синтаксических замен; 2) употребление изобразительно-выразительных средств, явное сравнение, обратное сравнение, передающиеся используя лексические и грамматические трансформации; 3) употребление слов высокого стилистического тона, передающиеся аналогичной лексикой; 4) наличие экспрессивных частиц, передающихся на русский язык междометиями; 5) сочетание разностильных элементов; 6) присутствие разговорных оборотов, иногда с фамильярно-разговорной окраской.

Литература

1. Николаенко, Г. А., Гулакова, И. А. Лингвистические особенности рекламных текстов и способы их перевода [Электронный ресурс].
2. Найда, Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: ИМО, 1978.
3. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973.
4. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990.
5. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. М.: Издательство «ЭТС», 2004.
6. Привороцкая, Т. В. Способы достижения речевой компрессии при переводе с субтитрами (на материале фильма Цзинь Ма «Мулан», КНР, 2009 г) // Язык и культура. № 2 (22), 2013.
7. Привороцкая, Т.В. Особенности перевода кинодиалога с китайского языка на русский // Язык и культура: сб. ст. XXIII Международ. науч. конф. Томск, 2013.
8. Tikhonova, E.V., Tereshkova, N.S. Information and Communication Technologies in the Teaching of Interpreting // Procedia - Social and Behavioral Sciences. Т. 154, 2014.
9. Привороцкая, Т. В., Тихонова, Е. В. Формирование механизма переключения с китайского языка на русский посредством анализа кинотекста // Язык и культура. № 1 (29), 2015.

Д.В. Черникова², И.В. Черникова^{1, 2}

¹*Национальный исследовательский Томский государственный университет*

²*Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

ЯЗЫК КАК МЕХАНИЗМ САМОРАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Исследование выполнено по гранту РГНФ 14-03-00371-а.

О взаимодействии языка и культуры сказано уже немало. Тем не менее, имеет смысл поставить вопрос о роли языка в процессе саморазвития культуры, понимая культуру как саморазвивающийся организм, как социокод, обеспечивающий воспроизводство социальных норм, порядка и действия. Язык составляет не только ткань культуры, но и является механизмом саморазвития культуры.

Осознание языка как зеркала культуры, как картины мира лежало в основании лингвистического поворота в философии. В лингвистике Ф. Соссюра язык рассматривался как знаковая система, подчиняющаяся своему собственному порядку. В семиотическом контексте язык стал пониматься как социокультурное образование. Большой вклад в осмысление роли языка в культуре внесла философия языка, выявляя конституирующую роль языка и речи не только в формировании познания, знания, но и в воспроизводстве социальных форм деятельности. Классическая философия ориентировала на независимость мышления от языка, понимаемого как зеркало рассудка, и рассматривала познание как бинарное субъектно-объектное отношение. В начале XX века В. Гумбольдтом, Л. Витгенштейном, Э. Кассирером язык был понят как дея-

тельность, как «самодеятельное начало» [1: 49], как мир, который лежит между миром внешних явлений и внутренним миром человека. Было осознано, что в познании субъект и объект связаны в познавательном отношении через посредника – условия познания, и важнейшая составляющая этих условий – это язык. Язык является не просто знаковым обозначением внешних предметов, но формирует сам способ, каким дан человеку окружающий мир. Обращение Л. Витгенштейна к анализу обыденных языковых практик положило начало «повороту» от заранее установленных критериев значений к контекстуально обусловленным жизненным практикам. Традиционной концепции, где язык понимался как система значений, Л. Витгенштейн противопоставил деятельностьную концепцию языка. В традиционной или, как называл Л. Витгенштейн, августианианской концепции, слова обозначали объекты, а предложения являлись комбинацией имен. Августин описывал обучение человеческому языку, как если бы ребенок попал в неизвестную страну и не понимал языка этой страны, то есть он бы уже обладал некоторым языком, но только не этим. Или то же самое: как если бы он уже мог мыслить, но только еще не мог говорить, а мыслить в данном случае будет означать нечто вроде «говорить с самим собой» [2]. В деятельностьной концепции мышление предстает как практическое оперирование со знаками, а обучение языку происходит в процессе «языковой игры», выйти за пределы языка не возможно. Таким образом, в философском контексте язык стал рассматриваться как то, что имеет место в действительности. Онтология языка раскрыта в контексте двух основных подходов: герменевтическом и аналитическом.

В герменевтике язык был понят как «горизонт онтологии». Х.-Г. Гадамер рассматривал язык не как знаковую систему, а как «среду герменевтического опыта» [3], как культурно-исторический контекст. М. Хайдеггер подчеркивал, что язык не является инструментом, который можно применять или не применять, в действительности мы всегда «охвачены языком». Это «не мы говорим языком (сказом), а язык говорит в нас, язык говорит нами» [4: 531]. Для М. Хайдеггера, которого называли поэтом бытия, язык это дом бытия, бытие может быть дано только в языке. Язык не просто средство выражения мысли, а способ, каким мир дан человеку. Язык разбивает мир, как садовник разбивает сад. Суть мира, которая не видна в мире, так же как сад не виден в голом пустыре, может присутствовать в словесном разбиении мира... Язык есть дом бытия, ибо в качестве сказа он есть способ события, его мелодия. В языке мы слышим голос бытия [5: 266].

Другая линия философской онтологии языка получила развитие в аналитическом подходе, поставившем вопрос, как язык «зацепляет мир». Речь идет о теории языковых каркасов, согласно которой следует проводить различие между двумя вопросами: о существовании абстрактных объектов, постулируемых данной теорией (внутренние вопросы), и о существовании мира вещей, к которым относится теория (внешние вопросы). Внутренние вопросы всегда связаны с некоторым языковым каркасом, представляющим собой систему способов речи (или форм выражения), подчиненных определенным правилам. По мнению Р. Карнапа, в рамках внутренних вопросов признать что-либо реальной вещью или событием – значит суметь включить эту вещь в систему других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса [6].

Внешние вопросы касаются существования всей системы объектов, признаваемых в данном языковом каркасе, то есть касаются принятия или неприятия самого языкового каркаса. Поскольку принятие языкового каркаса можно расценивать только как более или менее целесообразное, плодотворное, ведущее к той цели, которой служит язык, Р. Карнап объявляет внешние вопросы прагматическими вопросами, или вопросами веры. То есть, вопрос о том, из каких объектов состоит мир (или, иначе – какие объекты существуют в мире) связан с принятием определенной концептуальной схемы. А принятие концептуальной схемы, по существу, означает выбор определенного языка (так как если в языке нет слова, описывающего какой-либо объект, то для носителя данного языка не существует и самого объекта) [6].

Плодотворность идеи языковых каркасов и ее корреляции с лингвистическим анализом языка выражается в развернувшейся в середине XX века дискуссии о несоизмеримости концеп-

туальных (языковых) каркасов и несоизмеримости перевода. У.О. Куайн развивает витгенштейновскую теорию о том, что значения слов и выражений зависят от их языкового использования сообществом. Эта теория связывается с «принципом неопределенности перевода». Поясним сказанное примером из работы У. Куайна: лингвист, изучающий язык туземцев, указывает на виднеющийся над поверхностью воды акулий плавник и произносит слово «gavagai». Это слово можно перевести и как «плавник», и как «акула», и как «часть акулы», и как «опасная ситуация». Согласно Куайну, возможность альтернативных и равно приемлемых схем перевода свидетельствует о неопределенности перевода. Эта неопределенность объясняется тем, что разные языки могут давать разные концептуализации мира. И если лингвист переводит «gavagai» как «акула», то это означает, что он просто навязывает свою концептуальную схему, проистекающую из нашей склонности воспринимать мир состоящим из целостных и устойчивых образований – объектов [7]. Дальнейший анализ вопроса, как концептуальные каркасы организуют наш опыт, продолжили У. Селларс (миф данного) и Д. Дэвидсон (идея концептуальной схемы). В лингвистике похожие идеи о зависимости онтологии от языка были высказаны Э. Сепиром и Б. Уорфом на основе проведенных культурно-антропологических исследований с помощью семантического анализа. Выдвинутая ими гипотеза лингвистической относительности фиксировала зависимость онтологии от языка: «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [8: 175]. Реальный мир, как было подмечено авторами теории лингвистической относительности, в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества.

В результате герменевтических, аналитических и лингвистических исследований идея использования языка как посредника между «Я» и Реальностью была отброшена. Не существует какого-то универсального языка, на котором мыслит любой представитель человеческого сообщества, напротив, естественный язык, его грамматическая структура, лексика определяют наше представление о том, что есть реальность и наш способ взаимодействия с ней. Естественный язык, в свою очередь, формируется как intersubjective концептуальная структура в ходе культурно-исторической эволюции. В работах М.К. Петрова и В.С. Степина [9: 97–105; 10: 37–61] показано, что программы деятельности и общения сохраняются и передаются в обществе независимо от каждого отдельно взятого индивида. Функцию «клея» разнонаправленных индивидов в единый социальный организм и транслятора ценностей, норм, установок деятельности выполняет культура, понятая как социокод. Культура не только хранит и транслирует накапливаемый социальный опыт, но и генерирует новые программы жизнедеятельности. Эти программы существуют в культуре как сложноорганизованный и развивающийся набор семиотических систем (социокод). Важнейшим механизмом трансляции программ жизнедеятельности является естественный язык. Именно язык, как было осмыслено в философии языка, лингвистике и культурологии, своей структурой задает определенный образ мира, способ его членения и организации в целостную картину мира.

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2011.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.
4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1988.
5. Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. М. 1993.
6. Карнап Р. Значение и необходимость. Приложение А. Эмпиризм, семантика и онтология. М., 1958.
7. Куайн У. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. Томск: ТГУ, 2003.
8. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
9. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука. 1991.
10. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.